

Отшельник. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Отшельник. Максим Горький

Лесной овраг полого спускался к жёлтой Оке, по дну его бежал, прячась в травах, ручей; над оврагом – незаметно днём и трепетно по ночам – текла голубая река небес, в ней играли звёзды, как золотые ерши.

По юго-восточному берегу оврага спутанно и густо разросся кустарник, в чаще его, под крутым отвесом, вырыта пещера, прикрытая дверью, искусно связанной из толстых сучьев, а перед дверью насыпана укреплённая булыжником площадка в сажень квадрата, от неё к ручью спускаются лестницей тяжёлые валуны. Три молодых дерева растут перед дверью пещеры – липа, берёза и клён.

Всё около пещеры сделано хозяйственно и прочно, – на долгую жизнь. И так же прочно устроена внутренность её: бока и свод покрыты циновками из прутьев ивняка, циновки смазаны глиной, смешанной с илом ручья; налево от входа сложена небольшая печь, а в углу – аналой, покрытый, точно парчой, плотной рогожей, на аналое в железном держальце – лампадка, синеватый огонёк её колеблется, в сумраке, чуть виден.

За аналоем три чёрные иконы, на стенах висят связки новых лаптей, на полу лежит лыко, вкусный запах сухих трав наполняет пещеру.

Хозяин этого жилища – старик среднего роста, плотный, но весь какой-то измятый, искусанный. Лицо его, красное, точно кирпич, безобразно, левая щека разрезана от уха до подбородка глубоким шрамом, он искривил рот, придав ему выражение болезненно-насмешливое, тёмненькие глаза изувечены трахомой (хроническая вирусная болезнь, поражающая глаза и приводящая к слепоте – Ред.) – без ресниц, с красными рубцами на месте век, волосы на голове вылезли клочьями, и на бугроватом черепе – две лысины, одна небольшая – на макушке, другая обнажила левое ухо. Но старик подвижен и ловок, точно хорёк; уродливо голые глаза его смотрят ласково; когда он смеётся, увечья лица почти исчезают в мягком обилии морщин. На нём хорошая рубаха небелёного полотна, синие пестрядинные штаны, верёвочные лапти, ноги до колен в заячьих шкурках вместо онуч.

Я пришёл к нему весёлым днём мая, и мы сразу подружились, он оставил меня ночевать, а во второе моё посещение уже рассказал мне свою жизнь.

– Я пильщик был, – сказывал он, лёжа под кустом калины, сняв рубаху и грея на солнце грудь, мускулистую не по-стариковски. – Я семнадцать лет брёвна резал, вот и рожу мне пила распахала. Так и звали меня – Савёл Пильщик. Пилить – это, дружба, не лёгкая занятая: машешь, машешь руками в небо, а на роже – сетка, а над головой – брёвна, и ничего не видать, и опилок на тебя сыплется – беда! А я – весёлый был, игристый, турманом жил, знаешь – голуби есть турмана: взовьётся высоченно в небеса, в самую невидимую глубь, свернёт там крылья, головку под крыло и – бултых вниз! Многие убиваются насмерть, об крыши, об землю. Вот эдак и я. Весёлый я был, безобидный, вроде блаженного какого, бабы, девки любили меня, ну – как сахар, – верное слово. Что делалось! Вспомнить радостно...

И, перекатываясь с бока на бок, он смеялся звонко, как молодой, только в горле у него немного хрипело, смеху его ладно вторил ручей. Тепло вздыхал ветер; по нежным бархатам весенней листвы скользили золотистые зайчики.

– Ну-кось, хлебнём, дружба, – предложил Савёл. – Тащи её!

Я сходил к ручью, – в нём холодила бутылка водки, – выпили по стаканчику. Закусывая кренделем и воблой, старик с восхищением говорил:

– Хорошо это придумано – винишко!

И, обливав седые, трёпаные усы:

– Ладная штука! Много я её не могу принять, а в малом качестве уважаю! Сказывают: первый водку сварил – бес. За хорошее дело и бесу спасибо...

Зажмурил глаза, умолк на минуту и вдруг воскликнул, протестуя:

- Ну, всё-таки обидели меня, - в кровь обидели! Эх, дружба, до чего же люди обижать навыкли дружка дружку - даже стыдно. Щенком бездомным совесть живёт промежду нас, неприятно совести! Ну, - ладно. Был я женатый, всё как следует, жена - Натальей звали - красивая баба, мягкая. И жили мы с ней ничего, уютно, гуляла она несколько, ну - я сам человек отхожий, дома живу - мало, где какая баба получше, поласковее - той и пользуюсь. Дело обыкновенное, без него нельзя, а в крепкие годы ничего лучше не найдёшь. Бывало, приду домой, деньжонок принесу, того сего, а люди говорят: "Савёл, завязывай жене подол, когда из дому уходишь!" Смеются, значит. Ну, я её для приличности - побью маленько, потом подарочек сделаю, приласкаю: "Дура, говорю, как же это ты насмех людям ставишь меня? Или я тебе неприятель али недруг какой?" Плачет, конечно. "Врут они", - говорит. Я сам знаю, что люди врать любят, ну однако меня не обманешь: ночь про бабу правду скажет, ночью сразу почувешь: была ли в чужих руках, али нет?

Что-то зашумело в кустах за его спиной.

- П-ш! - старик потряс рукою ветвь калины. - Ежишко тут живёт, наведни ногу я наколол об него, иду мыться к ручью, а его в траве не видно, прямо в палец всадил себе колючку.

Он, улыбаясь, посмотрел в кусты и весь взметнулся, продолжая:

- Да, дружба! Так, вот, значит, и обидели меня, да - ведь как! Была у меня дочь Таша - Татьяна. Ну, хвастать не буду, в одном слове скажу: всему свету радость - вот какая дочь! Звезда! Наряжал я её, выйдет на улицу в праздник - божья красота! Походка ли, стан ли, глаза, - учитель наш Кузьмин - Сундук по прозвищу, неуклюж парень родился, так он её неведомым именем называл, а выпивши - до слёз доходил, всё упрашивал, чтоб я её берёг. Я берёг. А был я удачлив, - этого у нас не любят, - зависть была ко мне, и пустили слушок, будто я изнасилил дочь - живу с ней.

Тревожно заёрзал по траве, снял с куста рубаху, надел её и тщательно застегнул ворот. Его лицо болезненно искривилось, он плотно сжал губы, и реденькие щетинки седых его бровей опустились на обнажённые глаза. Вечерело. Становилось свежо. Где-то бил перепел:

- Подь-полоть...

Старик смотрел вниз, в овраг.

- Вот, значит, и пошло дымом дымить. Кузьмин, поп, писарь, кое-которые мужики, а особливо бабы зазвонили языками, забили во все бубны: катать-валяй, человек ошибся. Это праздничек нам, - человека травить, это мы любим. Таша плачет - на улицу выйти нельзя, мальчишки дразнят. Все рады забава. Я говорю: уйдём, Таша...

- А жена?

- Жена? - удивлённо переспросил старик. - Так она же померла! Ночью, в одночасье, охнула да и померла. Как же! Она - задолго до этого, Таше тринадцатый шёл... Она была супротивна мне, нехорошая баба, неверная.

- Ты ведь хвалил её, - напомнил я. Это его не смутило; почесав шею, он приподнял ладонью бородку вверх и, глядя на неё, спокойно сказал:

- Так что, что хвалил? Всякий человек не всю жизнь плох, иной раз и плохой похвалы достоин. Человек - не камень, а и камень от времени меняется. Однако ты не подумай чего, - она своей смертью померла. Это от сердца она, - думать надо, - сердце у ней захлёбывалось; бывало, ночью играешь с ней, а она вдруг и обомлет, - вроде мёртвая бывала. Даже страшно!

Его мягкий сиповатый голосок звучал певуче, неутомимо и родственно сливался в тёплом воздухе вечера с запахом трав, вздохами ветра, шелестом листвы, тихим плеском ручья по камням. Замоли он - и ночь будет не полна, не так красива и мила душе. Говорил Савёл удивительно легко, не затрудняясь поиском слов, одевая мысли любовью, как девочка куклы. Я уже немало слышал русских краснобаев, людей, которые, опьяняясь цветистым словом, часто почти всегда - теряют тонкую нить правды в хитром сплетении речи. Но этот плёл свой рассказ так убедительно

Отшельник. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru

просто, с такой ясной искренностью, что я боялся перебивать его речь вопросами. Следя за игрой слов, я видел старика обладателем живых самоцветов, способных магической силой своей прикрыть грязную и преступную ложь, я знал это и всё-таки поддавался колдовству его речи.

- Началось, дружба милая, это самое дело: доктора призвали; осмотрел он, бесстыжие глаза, всю Ташу подробно, а был с ним ещё один хлюст, лысоватый такой, с золотыми пуговками, следовательно, что ли, - спрашивает: кто, когда? Она молчит, ей стыдно. Заарестовали меня, отвезли в губернию, в острог. Сижу. Лысый, это, говорит мне: сознайся, и будет тебе за то лёгкая казнь! Я ему добродушно предлагаю: "Отпусти меня, твоё высокородие, в Киев, ко святым мощам, грехи замолишь". - "Вот, говорит, и хорошо, сознался ты!" Поймал, значит, меня, лысый кот! А я ни в чём ему и не сознавался, просто так от скуки слово бросил. Скушно было мне, непривычно в остроге-то, кругом воры, человекоубийцы и всякий дрянной народ, к тому же думается: "А что с Ташей сделают?" Больше года тянули канитель эту, потом начали судить. Гляжу - Таша тоже пришла, - в рукавичках, сапожки на ней, необыкновенно всё! Платице голубое вроде облака, - душа насквозь светится. Весь этот суд на неё смотрит и весь народ, и знаешь, дружба, как сон всё это! А рядом с Ташей госпожа Анцыферова, помещица наша, щука-баба, хитрейшего ума. "Ох, думаю, эта меня загрызёт, эта меня съест до костей!"

Он засмеялся как-то особенно добродушно.

- Сын у ней Матвей Алексеич, - я его за дурачка принимал, - скушное дитё! Белый весь, без кровинки, в очках ходил, волосы поповские, бородёнка - насмех, и всё он песни да сказки в книжечку записывал. Добряга, чего ни попроси - даёт! Ну, мужики этим пользовались: тот - косу дай, этот - дров, третий - хлеба, берут - кому чего надо, не надо. Я ему говорю: "Что ты, Алексеич, раздаёшь всё? Отцы, деды твои копили, наживали, шкуру драли с людей, не боясь греха, а ты раздаёшь без оправдания. Али тебе не жалко трудов человеческих?" - "Так, говорит, надо!" Не больно умён был, ну всё-таки тихой души парень. Потом его губернатор в Китай сослал, нагрубил он губернатору, а тот его - в Китай.

- Ну - суд. Оказался защитник у меня, часа два говорил, так руками и машет. Таша тоже за меня...

- Да ты - жил с ней?

Он подумал, как бы припоминая, потом равнодушно сказал, следя обнажёнными глазами за полётом ястреба:

- Бывает это - живут и с дочерьми. Даже святой один с дочерьми жил, с двумя, от них тогда пророки Авраам, Исаак родились. Про себя я не скажу этого. Конечно, играл с ней; дело зимнее, ночи длинные, скушно! Особливо же скушно такому, который вертеться на земле привык, ходить туда-сюда, а я таков был. Сказки рассказывал я ей, - сказок я знаю сотни. Ну, а сказка вещь фальшивая. И - кровь горячит. А Таша...

Он закрыл глаза и, качая головой, вздохнул:

- Красавица же она была невозможная! А я тоже до женщин невозможный, совсем безумный!

Старик весь востепенулся и - с восхищением, с гордостью - сказал, захлёбываясь словами:

- Ты - гляди, дружба: шестьдесят семь годов мне, а и теперь могу всякую женщину добрать до самого конца - вот оно как. Пяток лет спустя какие кобылицы, бывало, молили меня: "Савёлушко, милый, отпусти, сил больше нет!" Пожалеешь, отпустишь, а - она через неделю опять тут. "Что, спрашиваю, пришла? То-то вот!" Женщина - это, дружба, большое дело, вся земля об этом бредит, - зверь, птица, малая букашка - все одним живы! Кроме-то - чем жить?

- Что же всё-таки сказала дочь на суде?

- Таша? Она придумала, - а то Анцыфериха научила её, я Анцыферихе полезный был, - она сказала, что сама себе вред сделала, а я - не виноватый. Ну, меня и отпустили. Зря всё у них это, так себе, напоказ, вот, дескать, глядите, как мы

Отшельник. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

законы стережём! А всё – обман один, законы эти, приказы всякие, бумаги, ничего этого не надо, пускай всяк живёт как хочет! И дешевле будет и приятнее. Вот я живу, никому не мешаю и никуда не лезу...

- А убийцы – как?

- Их – убивать! – решил Савелий. – Который убил, его тоже прикончить, тут же на месте, – не дури! Человек не комар, не муха, не хуже тебя, сволочь...

- А – воры?

- Чудак, – откуда же воры, коли воровать нечего? Чего у меня украдёшь? Лишнего – нет, значит, и зависти нет, и жадности нет. Откуда тут воры родятся? Вор – от избытку; он глядит: ой, как много! Ну, и цапнет чего-нибудь...

Было уже темно, ночь влилась в овраг. Трижды ухнула сова, старик выслушал её жуткие крики и, улыбаясь, сказал:

- Недалеко тут живёт, в дуплице. Иной раз застигнет её солнышко, не успеет она спрятаться и торчит на свету. Я иду, язык показываю ей: что, дура? Ничего не зрит, молчит. Увидят её мелкие птицы – беда ей!

Я спросил, как же он стал отшельником?

- Так и стал: ходил-ходил, потом остановился. Из-за Таши всё. Анцыфериха тут хитро сыграла – не допустила меня к ней после суда. "Я, говорит, всю правду знаю, и скажи мне спасибо, что в каторгу не попал, а дочери тебе не выдам". Дура, конечно. Повертелся я около неё, вижу – нет, её не обойдёшь! И – пошёл. Был в Киеве и в Сибири был, там большие деньги заработал, вернулся в свои места. Анцыфериху на железной дороге колёсами задавило, а Ташу она замуж выдала за фершала, в Курск. Я – в этот Курск, а фершал в Персию уехал, в Узун-город. Я в Царицын, а там на пароход, потом морем ехал в Узун – а Таша-то померла. Видел я этого фершала, – рыжеватый такой, красноносый, весёлый. Оказался – пьяница. "Ты, говорит, может, есть отец ей?" – "Нет, говорю, куда мне! Просто я его в Сибири видел, отца-то". Не хотелось открываться перед ним, ~ чужой человек. Ну, прошёл на Новый Афон, чуть не остался жить там – хорошее место! После вижу – нет, нехорошо! Море гремит, камни ворочает, абхазы ходят, место неровное, горы кругом, а ночи – такая чернота, будто тебя в смоле утопили. И – жара. Пришёл сюда, да вот и живу – девятый год, не зря живу. Пришёл, обстроился здесь, берёзу посадил; три года прожил – кленок посадил, потом – липу, видишь? Я, дружба, большой здесь утешитель людям, – вот приходи в воскресенье, погляди-ка, послушай!

Он почти не упоминал имени божия, – третьего слова в устах людей, подобных ему. Я спросил: много он молится?

- Нет, не шибко много, – задумчиво ответил старик, закрыв голые свои глаза. – Сначала я здорово молился; бывало, часами стою на коленках, всё крещусь. Руки у меня пилой намотаны, не устают, и спина тоже. Тыщу поклонов могу положить – не охну. А вот косточки на коленях – не терпят, ноют. Потом я вздумался: чего это я молюсь, о чём? Всё у меня есть, люди меня уважают, а я – бога беспокою. У бога – свои дела, зачем мешать ему? От него даже отводить надо людские пустышки. Он, бог, про нас заботится, а мы о нём нет! И я так думаю: господь живёт для больших людей, где у него время для меня, мелкого дурака? Теперь я – просто так: не спится ночью, выйду из пещеры, сяду тут где-нибудь да, глядя в небеса господни, думаю: "Как он там?" Это, дружба, очень приятная занятая, до того, что и сказать нельзя, дивен сон наяву! И – не устаёшь, как на молитве. Ничего я у него не прошу, да и другим не советую, а когда, вижу, надо, говорю тому, другому: бога пожалей! Вот приходи-ко, погляди, какой я полезный и ему и людям...

Он говорил не хвастливо, а со спокойной уверенностью мастерового в знании своего ремесла. Голые глаза его улыбались весело, скрашивая безобразие изуродованного лица.

- Зимой-то как живу? Ничего, у меня и зимой тепло. Только зимой народу трудно ходить ко мне из-за снега, – бывает, сутки по двое, по трое без хлеба живу. Один раз – суток восемь али больше не ел ни крошки, обессилел до того, что и память потерял. Девонька одна пришла-таки, выправила меня. Монастырская служка она

Отшельник. Максим Горький gorkiytext.ru

была, а после вышла замуж за учителя. Это я её надоумил: "Что ты, Ленка, говорю, балуешься? К чему это тебе?" - "Я, говорит, сирота". - "Выходи замуж - вот и конец сиротству". А тут учитель, Певцов, милый человек, я ему и советую: "Приглядишься, Миша, к девушке". Да. Он её вскорости и поял. Ничего, живут. Ну, зимой я в Саров ухожу, в Оптину, в Дивеевский - тут кругом монастыри. Монахи однако не любят меня, всё к себе зовут, чтобы я постригся, в старцы шёл бы, - им это выгодно, приманка людям, а я не хочу, я живой, мне это не годится. Али я святой? Я, дружба, просто - тихий человек...

Смеясь, потирая бока ладонями, он умиленно сказал:

- Зато у монахинь я - милый гость! Любят они меня, - эти меня любят! Не хвастаю, чистая правда. Я, дружба, женщину насквозь знаю, всякую, какую хочешь, - хоть дворянских кровей, хоть купеческих, а простая баба мне насквозь видна, как моя душа. Погляжу в глаза и всё понимаю, - всякое беспокойство её. Я тебе про них такие сказы могу рассказать...

И снова он убедительно пригласил меня:

- Ты вот приходи, увидишь, как я с ними гуторю. Ну-ко, давай ещё опрокинем по баночке.

Выпив, он зажмурил глаза и, качая головой, с новым восхищением проговорил:

- До чего же это вино полезное!

Короткая ночь весны заметно таяла, становилось свежо, я предложил развести костёр.

- Ну, - зачем? Али холодно? Мне, старцу, не холодно, а тебе холодно? А-яй! Так ты в пещеру иди, ложись там. Видишь ли, дружба, ежели огонь развести, налетит всякая живая мелочь и станет гореть в огне, а я этого не люблю. Огонь им, как западня, на погибель. Солнышко - всякому огню отец никого не убивает, а мы с тобой, костей наших ради, всю эту мелкоту будем жечь. Не надо...

Я согласился - не надо. И ушёл в пещеру, а он ещё долго возился вне её, уходил куда-то, плескался в ручье, и я слышал его ласковый голос:

- Пють... Не бойся, дурачок... Фить!..

Потом он тихонько, дребезжащим голоском запел, словно баюкая кого-то...

Когда я проснулся и вышел из пещеры, Савелий, сидя на коленях, ловко плёл лапоть и говорил зяблику, который яростно распевал в кустах:

- Катай-валяй, пой, день - твой!

- Выспался, дружба? Иди, мойся, я уже чайшко вскипятил, поджидаю тебя...

- Ты что ж не спал?

- Я, дружба, помру - посплю.

Над оврагом сияло голубое небо мая.

Я пришёл к нему недели через три, в субботу к вечеру и был встречен им как старый, любимый знакомый.

- А я уже думал: забыл этот человек меня! О, и винца принёс? Ну, спасибо! И хлеба пшеничного? Да, гляди-ка ты, мягкий какой. Ну, добёр ты, ой, хорош! Тебя люди должны любить, они добрых - любят, они свою пользу знают! Колбаса? Это я не уважаю, это - собачья пища, ты сам её кушай, а вот рыбку я люблю. Эта рыба, называемая рыбец, - сладкая рыба, из Каспийского моря, я знаю! Ты тут рубля на полтора принёс, чудачок! Ну, ничего, спасибо!

Он показался мне ещё более живым, более радушно сияющим; мне стало легко, весело, и я подумал:

Отшельник. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

"чёрт возьми, а ведь, пожалуй, я вижу счастливого человека?" ловкий, мягкий, он хозяйственно суетился, пряча мои дары, и, точно искры, от него летели во все стороны эти милые, русские, обаятельные слова, от которых пьянеет душа.

Движения его прочного тела, быстрые, как движения ужа, великолепно гармонировали с чёткой речью, и, несмотря на изуродованное лицо его, на эти глаза без ресниц, – как будто нарочно разодранные для того, чтобы больше и смелее видеть, – он казался почти красивым, красотой пёстро и хитро спутанной жизни. И его внешнее безобразие особенно резко подчёркивало эту красоту.

Снова, почти всю ночь, трепетала его седенькая бородёнка и топорщились выщипанные усишки, когда он закатисто смеялся, широко растягивая кривой рот, в котором блестели белые, острые зубы хорька. На дне оврага было тихо, наверху гулял ветер, качались кроны сосен, шелестела жёсткая листва дубов; синяя река небес была бурно взволнована – серая пена облаков покрывала её.

– Чу! – предостерегающе подняв руку, тихонько воскликнул старик. Я прислушался, – было тихо.

– Лиса крадёт, у неё тут нора. Охотники спрашивают: а что, дед, не живёт тут лиса? Я их обманываю, – ну, какие тут лисы? Не уважаю охотников, мать их бог любил!

Я уже заметил, что старику иной раз очень хочется выругаться глупой русской бранью, но, понимая, что это уже не подходит ему, он говорил только "мать твою бог любил", "мать твою курицу".

Выпив водки, настоянной на буквице (*Betonica L.*, род многолетн. травянист. растений из семейства губоцветных, употреблявшаяся прежде как народное средство от кашля – Ред.), он говорил, прижмурив разодранные глаза:

– Какая скусная рыба эта, – покорно тебя благодарю, – очень я люблю всё скусное...

Не ясно было мне его отношение к богу, и я осторожно завёл беседу на эту тему. Сначала он отвечал мне обычными словами странников, завсегдатаев монастырей, профессиональных богомоллов, но я почувствовал, что ему скучно говорить так, и не ошибся, – подвинувшись ближе ко мне и понизив голос, он вдруг оживлённо начал:

– Скажу я тебе, дружба, про французика одного, французского попа, маленький такой попик, чёрный весь, как скворец, на головке – гуменце выстрижено, на носике – очки золотые, а ручонки – словно у девочки малы, и весь он – игрушка богова! Встретил я его в Почаевской лавре, лавра эта далеко отстоит – там!

Он махнул рукой куда-то на восток, в Индию, вытянул ноги поудобнее и продолжал, опираясь спиной о камни:

– Кругом – поляк живёт, чужое место, не наша земля. Балагурю я с монахом одним, он говорит: "Людей надо наказывать чаше". А я посмеиваюсь: ведь коли правильно наказывать, так надо – всех, а тогда и время ни на что не хватит и делать больше нечего – дери дёром друг дружку, только и всей работы. Рассердился монах на меня: "Ты, говорит, дурак!" И ушёл. А попик этот в уголке сидел и вот подкатился ко мне и – начал, – ах, какой! Я тебе, дружба, так скажу: он мне вроде Иван-Крестителя. Язык ему мешал, не все наши слова можно сказать чужим языком, ну – всё-таки говорил он с большою душой. "Видел я, говорит, что вы, – всё на вы со мною, да! – вы, говорит, не верите монаху, ох, говорит, это очень хорошо; бог, говорит, не злодей людям, а сердечный друг, только с ним, по доброте его, так случилось: растаял он в слёзной жизни нашей, как сахар в воде, а вода сорная, вода грязная, и не стало нам чуть его, не чуем, не слышим скуса божия в жизни нашей. А всё-таки он во всём мире пролит и в каждой душе живёт чистойшкой искрой, и надо, говорит, нам искать бога в человеке, собирать его во единый ком, а как соберётся господь всех душ живых во всей силе своей, – тогда придёт к нему сатана и скажет: велик ты, господи, и силен безмерно, не знал я этого – прости, пожалуйста! А теперь – не хочу больше бороться с тобой, возьми меня на службу себе".

Старик говорил напряжённо, и на его тёмном лице странно сверкали расширенные зрачки.

- "И тогда наступит конец всякому непотребству и злу, и всякой земной сваре, и все люди возвратятся в бога своего, как реки в океан-море"...

Он захлебнулся словами, ударил по коленям своим и начал сиповато смеяться, радостно продолжая сквозь смех:

- Ну, так всё это мне по сердцу пришлось, так светло на душе стало - и не знаю, что сказать французику. "Ваше, говорю, Христово подобие, можно тебя обнять?" Обнялись и - давай мы плакать оба, - ведь как плакали! Как малые ребята, родителей встретив после долгой разлуки. А оба - старые, у него щетинка-то вокруг гуменца тоже седая. Тут я ему и сказал: "Ты, говорю, мне, хриstopодбие, вместо Ивана Крестителя!" Ваше хриstopодбие зову его, а самому смешно: он - я те сказал - на скворца похож был. А монах этот, Виталий, всё ругал его: "Вы, говорит, гвоздик!" Верно, он и на гвоздик был схож, - острый такой! Тебе, дружба милая, вся эта радость моя, конечно, непонятная, ты - грамотный, сам всё знаешь, а я в ту пору слепой был, хожу - будто всё вижу, а - ничего не понимаю, - где бог? А он мне сразу всё и открыл, - сообрази, каково это было мне? Ведь я тебе речи его в краткости сказал, а мы с ним до свету беседу вели, он мне столько много говорил, что я - одно ядро помню, а скорлупку всю растерял...

Замолчав, он понюхал воздух, как зверь.

- Дождик будто собирается? Али - нет?

Понюхал ещё и успокоенно решил:

- Нет, не будет дождя, - это к ночи сыреет. Я тебе, дружба, скажу, все эти французы и разных иных земель жители - высокоумный народ. В Харьковской, не то в Полтавской губерне, у одного князя великого, англичанин, управляющий, глядел-глядел на меня, потом позвал в комнату и говорит: "Вот тебе, старик, секретное письмо и отнеси его туда-то, такому-то человеку, - можешь?" Чего же не мочь? Мне всё равно куда идти, а тут верст сотня до указанного места. Взял я пакет, привязал на верёвочку, сунул за пазуху - иду. Пришёл в указанное место, прошусь: "Допустите меня к помещику". Меня, конечно, по шее. Гонют, бьют. Ах вы, думаю, окаянные, раздуй вас горой! А пакет в бумажке был, и от поту бумажка разлезлась вся, - гляжу: деньги! Большие деньги, рублёв триста, примерно. Испугался - вдруг заметит кто-нибудь да украдёт ночью? Что делать? И вот сижу в поле, на дороге, под деревом, - едет господин, может, это тот самый, кого мне нужно? Встал на дорогу, машу посохом, кучер меня хлыстом огрел, ну, господин велел остановиться и даже ругнул его. Господин - тот самый. "Вот, говорю, извольте, получите секретный пакет". - "Хорошо, говорит, садись со мной, едем". Поехали, привёз он меня в роскошную комнату и спрашивает: "Что это за пакет?" - "По-моему - деньги, говорю, бумага-то отпотела, я видел". - "А кто, говорит, дал это тебе?" - "Не могу сказать, не велено". Он - кричать на меня: "К становому отправлю, в тюрьму". - "Ну, что ж, говорю, значить, так надо". Он меня пугал-пугал, однако - не боюсь. Вдруг - отворяется дверь, и этот самый англичанин на пороге. Что такое? А он хохочет. Он по железной дороге раньше меня приехал и - ждал: приду я али нет? И знали они оба, что давно я пришёл, и видели, как прислуга гнала меня, - сами же и велели гнать, бить не велели, а только - гнать. Ну, понимаешь, это они шутку шутили для испытания мне, - донесу деньги али нет. Понравилось им, что донёс, велели они мне вымыться, дали всякую чистую одежду и пожалуйста кушать с ними. Да, дружба... Ну, я тебе скажу, и кушали мы! А вино, - так, знаешь, хлебнёшь его, и - рот закрыть сил нет. И обожгло, и дух прелестный. Так они меня напоили, что сблевал я. На другой день - тоже кушал с ними, рассказывал разное, очень удивлялись. Англичанин напился и доказывал, что русский народ - самый удивительный и никому неизвестно, что он может сделать. Даже кулаком по столу стучал. Деньги эти они дали мне - возьмите, говорят. Я взял, хоть никогда не жаловал на деньги, неинтересен был к ним. Ну, а вещь разную любил покупать, раз - куклу купил; иду по улице, гляжу: кукла в окошке лежит, совсем как живое дитё и даже глазки заводит. Купил. Четверо суток с собою таскал, присяду где-нибудь, выну из котомки и гляжу. Потом девчонке отдал в деревне. Отец её спрашивает - украл? Украл, говорю, - стыдно было сказать, что купил...

- Как же кончилось с англичанином?

- Отпустили меня, только и всего. Руку жали мне. Говорили разное, эдакое -

дескать, мы пошутили, извините... Надо мне поспать, дружба, а то завтра у меня день трудный...

Укладываясь спать, он говорил:

- Чудак я был! Вдруг, бывало, охватит меня радость, так всё нутро, всё сердце и обольётся, - хоть пляши! И - плясал ведь; люди смеются, а я пляшу... Что ж? Детей - нет у меня, стыдиться некого...

- Это, дружба, душа играет, - задумчиво и тихо продолжал он. - Она капризная, вдруг привлечётся к самому, скажу, смешному да и держит тебя около него. Вот тоже - вроде куклы - девочка меня соблазнила; наткнулся я на девочку - в одной усадьбе барской, сидит ребёнок, годов девяти, над прудом, прутиком воду сечёт и слёзы точит, - вся мордочка у неё в слезах, как цветок в росе, а даже грудка слезами унижена. Конечно, я присел к ней: "Что ж это ты плачешь, день весёлый, а ты - плачешь?" Оказалась сердитая: "Уйди", - говорит! А я - упрямый. Разговорил её, она мне и рассказывает: "Ты, говорит, к нам не ходи; у меня папаша - злой, мамаша - злая и брат - тоже злой!" Я - про себя смеюсь, а вид такой сделал, будто напугался и верю ей, и всё говорю - со страхом - ай-яй-яй! Тут она мордочкой ткнулась в плечо мне и - рыдать, даже дрожит вся. Оказалось - горе её не тяжело весом: уехали родители в гости за три версты всего, а её не взяли, наказали, - не то платье хотела надеть, капризила. Я, конечно, жалею, осуждаю родителей: "Ах, говорю, какой народ неаккуратный! Ай-яй-яй", - говорю. А она мне: "Возьми, говорит, меня, дедушка, с собой, не хочу я с ними жить". С собой взять? Чего проще? "Айда, пойдём!" Ну, и свёл её туда, где родители пировали, - у неё, там, Коля был, друг, жучок эдакий, кудрявый, - вот в чём тайность горя. Ну, конечно, смеялись все люди над ней, а она - краснее макова цветка. Отец её даже полтину серебра подарил мне. Ушёл я. И что ж ты думаешь, дружба? Привязалась душа к девочке, - неохота отойти от неё, от усадьбы этой. С неделю кружился, - хочется девочку ещё повидать, поговорить с ней, даже смешно. А - хочется! Её на море увезли, грудку лечить, а я болтаюсь, хожу, подобно собаке. Вот оно как бывает. Да. Душа - птица капризная, куда летит - неведомо...

Почти сквозь сон или как в бреду старик говорил с паузами, позёвывая, и вдруг снова оживился, точно спрыснутый холодным дождём:

- В прошлом годе, осенью, появилась ко мне барыня из города; она - так себе, суховатая, неказиста, а взглянул я в глаза ей - господи! Вот бы мне её, на одну бы только ночь, а после - ножами режьте, конями рвите, - ничего не боюсь! Какую хочешь смерть приму. И - говорю ей прямо: "Уйди, пожалуйста, а то я тебя обижу, уйди! Не могу я беседовать с тобой. Уходи!" Не знаю, поняла ли она али что, - ушла поспешно. Так я - сколько ночей не спал из-за неё, - мерещатся глаза эти, что хошь делай! А - старик ведь... Старец... да?.. Душа - закона не знает, годов не считает...

Он вытянулся на земле, двигая красными рубцами век, чмокая, потом сказал:

- Ну-ко, буду спать...

Закутал голову армяком и умолк.

Проснулся он на рассвете, взглянул в облачное небо и торопливо сбегал к ручью, там разделся донага, кряхтя, вымыл своё крепкое, коричневое тело с ног до головы и закричал мне:

- Эй, дружба, дай-кось мне рубаху и порты, там, в землянке лежат...

Одев длинную - до колен - белую рубаху и синие портки, он причесал деревянным гребнем мокрые волосы и, почти благообразный, отдалённо напоминая какую-то икону, сказал:

- Я всегда чисто моюсь перед тем, как народ принять.

За чаем он отказался выпить водки.

- Нельзя! И есть не буду, только чайку выпью. Надо, чтоб ничего в голову не бросалось, чтоб легко было. В этом деле большая лёгкость души нужна...

Отшельник. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Народ начал приходиться после полудня, но до этого времени старик вёл себя молчаливо и скучно. Его живые, весёлые глаза смотрели сосредоточенно, в движениях явилась степенность. Он часто поглядывал в небо, прислушивался к шороху лёгкого ветра, лицо его вытянулось, стало ещё более уродливо, и рот искривился почти болезненно.

- Идёт кто-то, - вдруг тихо сказал он.

Я ничего не слышал.

- Идут. Бабы. Ты, дружба, вот что: ты не говори ни с кем, не мешай, испугаешь! Ты где-нибудь в сторонке живи. Тихо.

Из кустов бесшумно вылезли две бабы; одна дородная, средних лет, с кроткими глазами лошади, другая молоденькая, с чахоточным, серым лицом, обе они испуганно уставились на меня, - я ушёл вверх по склону оврага и слышал слова старика:

- Ничего, он - не помеха нам. Он - блажененький, ему всё равно, не вникает в дела наши...

Надломленным голосом, покашливая, присвистывая, торопливо и обиженно, заговорила молодая баба, подруга её негромко, густыми звуками вставляла в её речь краткие слова, а Савелий сочувственно, не своим голосом восклицал:

- Так-так-так! Ай-яй-яй? Экие, какие, а?

Баба тонко заплакала - тогда старик певуче протянул:

- Милая, ты - погоди, перестань, ты послушай...

Мне показалось, что голос его потерял сиповатость, звучит выше и чище, а мелодия слов странно напомнила незатейливую песенку щеглёнка. Я видел сквозь сетку ветвей, что он, наклоняясь к женщине, говорит ей прямо в лицо, а она, неудобно сидя рядом с ним, широко открыла глаза, прижав ладони ко груди своей. Подруга её, склонив голову набок, покачивала ею.

- Тебя обидели - бога обидели! - громко говорил старик, и бодрый, почти весёлый тон этих слов явно не ладил со смыслом их. - Бог-то - где? В душе твоей, за грудями твоими живёт свят дух господень, а они дураки, братья твои, его и задели дуростью своей. Их, дураков, пожалуй надо, плохо сделали. Ведь бога обидеть - это как малого ребёнка обидеть твоего бы...

И снова он певуче произнёс:

- Милая...

Я даже вздрогнул: никогда раньше не доводилось мне слышать и принять это хорошо знакомое, ничтожно маленькое слово насыщенным такой ликующей нежностью. Теперь старик говорил быстрым полушёпотом; положив руку на плечо женщины, он тихонько толкал плечо, и женщина покачивалась, точно задремав. А большая баба села на камни к ногам старика, аккуратно - веером разбросив вокруг себя подол синей юбки.

- Свинья, собака, лошадь - всякий скот разуму человека верит, а братья твои - люди, - помни! И скажи старшему, чтоб он в то воскресенье пришёл ко мне...

- Не придёт он, - сказала большая баба.

- Придёт! - уверенно воскликнул старик.

В овраг спускался ещё кто-то, - катились комья земли, шуршали ветви кустов.

- Придёт, - повторил Савелий. - Теперь - идите с богом. Всё наладится.

Чахоточная баба встала и молча, в пояс, поклонилась старику, он подставил ладонь свою под лоб ей, приподнял её голову и сказал:

- Помни: бога носишь в душе!

Она снова поклонилась, подавая ему маленький узелок.

- Спаси тебя Христос...

- Спасибо, дружба!.. Иди себе...

И перекрестил её.

Из кустов вышел широкоплечий мужик, чернобородый, в новой, розовой, ещё не стиранной рубахе, - она топорщилась на нём угловатыми складками, вылезая из-за пояса. Был он без шапки, всклокоченная копна полуседых волос торчала во все стороны буйными вихрами, из-под нахмуренных бровей угрюмо смотрели маленькие медвежьи глаза.

Уступив дорогу бабам, он поглядел вслед им, гулко кашлянул и почесал грудь.

- Здорово, Олёша, - сказал старик, усмехаясь. - Что?

- Пришёл вот, - глухо ответил Олёша. - Посидеть с тобой охота.

- Ну, посидим, давай!

Посидели с минуту молча, серьёзно оглядывая друг друга, потом заговорили одновременно:

- Работаешь?

- Тоска, отец...

- Большой ты мужик, Олёша!

- Кабы мне твою доброту...

- Великой силы мужик!

- На кой она мне, сила? Мне бы вот душу твою...

- Вот - погорел ты; другой бы осёл, затосковал...

- А - я?

- А ты - нет! У тебя опять хозяйство играет...

- Сердце у меня злое, - сказал мужик шумно и обложил сердце своё матерными словами, а старик спокойно, уверенно говорил:

- Сердце у тебя обыкновенное, человеческое, тревожное сердце, - тревоги оно не любит, покою просит...

- Верно, отец...

Так они говорили с полчаса - мужик рассказывал о человеке злом, буйном, которому тяжело жить от множества неудач, а Савелий говорил о каком-то другом, крепком человеке, упрямом в труде, - о человеке, у которого ничего не ускользнёт, не отвертится от рук, а душа у него хорошая.

Усмехаясь во всю рожу, мужик сказал:

- Помирился я с Петром...

- Слышал.

- Помирился. Выпили. Я ему говорю: "Ты что же, дьявол?" - "А - ты?" говорит. Да. Хорош он мужик, мать...

- Вы оба - одного бога дети...

Отшельник. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

- Хороший. Умён, главное! Отец, - жениться, что ли, мне?

- А - как же? На ней и женись...

- На Анфисе?

- На ней. Хозяйка! А - красота какая, сила? Вдова, жила со старым, натерпелась, - тебе с ней хорошо будет, верь...

- Женюсь, в самом деле...

- Только и всего...

Потом мужик рассказывал что-то малопонятное о собаке, о том, как выпустили из бочки квас, - рассказывал и хохотал, точно леший. Его угрюмое, разбойничье лицо совершенно преобразилось в глуповато-добродушную рожу обыкновенного, избяного зверя.

- Ну, Олёша, отойди в сторонку, идут ко мне...

- Страдальцы? Ладно...

Олёша спустился к ручью, попил воды, черпая её горстью, минуты две сидел неподвижно, точно камень, потом опрокинулся на спину, заложил руки под голову и, должно быть, тотчас уснул.

Пришла хроменькая девушка в пёстром платье, с толстой русой косой на спине, с большими синими глазами, - лицо на редкость картинное, а юбка раздражающе пестра, - вся в каких-то зелёных и жёлтых пятнах, и на белой кофточке пятна красные, цвета крови.

Старик встретил её радостно, ласково усадил, - но появилась высокая, чёрная старуха, похожая на монахиню, и с ней большеголовый, белобрысый парень, с неподвижной улыбкой на толстом лице.

Савелий торопливо отвёл девушку в пещеру и, спрятав её там, притворил дверь, - я слышал, как заскрипели деревянные петли её.

Он сел на камень между старухой и парнем и долго, молча, опустив голову, слушал бормотание старухи.

- Будет! - вдруг громко и строго сказал он. - Значит, не слушает он тебя?

- Никак. Я ему и то и сё...

- погоди! Не слушаешь ты её, парень?

Тот молчал, глупо улыбаясь.

- Ну вот, ты - и не слушай! Понял? А ты, женщина, затеяла дело плохое, я тебе прямо скажу - это судебное дело! А хуже судебных дел - ничего нет! И - ступай от меня, иди! Нам с тобой толковать не о чём. Она тебя обмануть хочет, парень...

Парень, ухмыляясь, сказал высоким тенорком:

- Я зна-аю...

- Ну - идите! - брезгливо отмахиваясь от них рукой, сказал Савелий. Ступайте! Удаchi - не будет тебе, женщина. Не будет!..

Они оба поникли, молча поклонились ему и пошли кустарником вверх по незаметной тропе, - мне было видно, что, поднявшись шагов на сотню, они оба сразу заговорили, плотно встав друг против друга, потом сели у корня сосны, размахивая руками; долетал ворчливый гул. А из пещеры выплыл невыразимо волнующий возглас:

- Мил-лая...

Бог знает, как уродливый старик ухитрился влагать в это слово столько

Отшельник. Максим Горький gorkiymaxim.ru
обаятельной нежности, столько ликующей любви.

- Рано думать тебе про это, - колдовал он, выводя хроменькую девушку из пещеры. Он держал её за руку, как ребёнка, который ещё неуверенно ходит по земле; она покачивалась на ходу, толкая его плечом, отирая слёзы с глаз движениями кошки, - руки у неё были маленькие, белые.

Старик усадил её на камни рядом с собой, говоря непрерывно, ясно и певуче, - точно сказку рассказывая:

- Ведь ты - цветок на земле, тебя господь взрастил на радости, ты можешь великие радости подарить, - глазыньки твои, свет ясный, всякой душе праздник, - милая!

Ёмкость этого слова была неисчерпаема, и, право же, мне казалось, что оно содержит в глубине своей ключи всех тайн жизни, разрешение всей тяжкой путаницы человеческих связей. И оно способно околдовать чарующей силой своей не только деревенских баб, но всех людей, всё живое. Савелий произносил его бесчисленно разнообразно, - с умилением, с торжеством, с какой-то трогательной печалью; оно звучало укоризненно ласково, выливалось сияющим звуком радости, и всегда, как бы оно ни было сказано, я чувствовал, что основа его - безграничная, неисчерпаемая любовь, - любовь, которая ничего, кроме себя, не знает и любит сама собой, только в себе чувствуя смысл и цель бытия, всю красоту жизни, силою своей облекая весь мир. В ту пору я уже хорошо умел не верить, но всё моё неверие в эти часы облачного дня исчезло, как тень перед солнцем, при этих звуках знакомого слова, истрёпанного языками миллионов людей.

Уходя, хроменькая девушка радостно всхлипывала, часто кивая старику головой:

- Спасибо тебе, дедушка, спасибо, милый!

- Ну, ну, ну, - ничего! Иди, дружба, иди! Иди, да - так и знай: на радость идёшь, на счастье, на великое дело - на радость! Иди...

Она уходила как-то боком, не отрывая глаз от сияющего лица Савелия. Чёрный Олёша, проснувшись, стоял над ручьём, встряхивая ещё более взлохмаченной головой, и глядел на девушку, широко улыбаясь. Вдруг сунул два пальца в рот себе и оглушительно свистнул. Девушка покачнулась и рыбой нырнула в густые волны кустарника.

- Сдурел, Олёша! - упрекнул его старик.

Олёша дурачливо опустился на колени, вытащил из ручья бутылку водки и, махая ею по воздуху, предложил:

- Выпьем, отец?

- Ты - пей, мне - нельзя! Я - вечером...

- Ну, и я вечером... Эх, отец, - он обложил старика кирпичами матерщины, - колдун ты, а - святой, ей-богу! Душой ты прямо как дитя играешь, - человеческой душой. Лежал я тут и думал, - ах ты, думаю...

- Не шуми, Олёша...

Воротилась старуха с парнем, она сказала что-то Савелию виновато и тихо, он недоверчиво покачал головой и увёл их в пещеру, а Олёша, заметив меня в кустарнике, тяжело влез ко мне, ломая ветви.

- Городской, что ли?

Он был настроен весело, словоохотливо, ласково поругивался и всё хвалил Савелия:

- Большой это утешитель! Я вот прямо его душой живу, у меня своя душа злостью, как волосом, обросла. Я, брат, отчаянный...

Он долго расписывал себя страшными красками, но я ему не верил.

Старуха вышла из пещеры и, низко кланяясь Савелию, сказала:

- Уж ты, батюшка, не сердись на меня...

- Ладно, дружба...

- Сам знаешь...

- Знаю: всяк человек бедности боится. Нищий - никому не любезен, знаю! Ну, а всё-таки: бояться надо бога обидеть и в себе и в другом. Кабы мы бога-то помнили - и нищеты не было бы. Так-то, дружба! Иди с богом...

Парень шмыгал носом, смотрел на старика боязливо и прятался за спину мачехи. Пришла красивая женщина, видимо - мещанка, в сиреневом платье, в голубом платочке, из-под него сердито и недоверчиво сверкали большие серовато-синие глаза. И снова зазвучало обаятельное слово:

- Милая...

Олёша говорил, мешая мне слушать речь старика:

- Он всякую душу может расплавить, как олово. Великий он помощник мне, - без него я бы наделал делов - ой-ой - каких! Сибирь...

А снизу возносилась песня Савелия:

- Тебе, красота, всякий мужчина - счастье, а ты - говоришь эдакое злое! Милая, - гони злобу прочь; гляди-ко ты: что люди празднуют? Все наши праздники - добру знаменье, а не злобе. Чему не веришь? Себе не веришь, женской силе твоей не веришь, красоте твоей, а - что в красоте скрыто? Божий дух в ней... Мил-лая...

Взволнованный глубоко, я готов был плакать от радости, - велика магическая сила слова, оживлённого любовью!

До поры, когда овраг налился густою тьмой облачной ночи, Савелия посетило человек тридцать, - приходили солидные деревенские "старички" с посохами в руках, являлись какие-то угнетённые горем, растерянные люди, но более половины посетителей - женщины. Я уже не слушал однообразных жалоб людей, а только нетерпеливо ждал от Савелия его слова. К ночи он разрешил мне и Олёше разжечь костёр на камнях площадки, мы готовили чай и ужин, а он, сидя у костра, отгонял полой армяка разное "живое", привлечённое огнём.

- Вот и ещё денёк отслужил душе, - сказал он задумчиво и устало.

Олёша хозяйственно советовал ему:

- Напрасно ты денег не берёшь с людей...

- Не подходяще это мне...

- А ты с одного возьми, другому отдай. Вот мне бы дал. Я бы лошадь купил...

- Ты, Олёша, скажи завтра ребятишкам - прибежали бы ко мне, у меня гостинцы есть для них, - много сегодня бабы натаскали разного...

Олёша пошёл к ручью мыть руки, а я сказал Савелию:

- Хорошо ты, дедушка Савёл, говоришь с людьми...

- То-то вот, - спокойно согласился он. - Я ведь сказывал тебе, что хорошо! И народ уважает меня. Я всем правду говорю, кому какую надо. Вот оно что...

Улыбнулся весело и продолжал, менее устало:

- А - особо хорошо с бабами я беседую, - слышал? Это, дружба, так уж бывает у меня: увижу бабу али девицу мало-мале красивую, и взиграет душа, вроде как цветами зацветёт. У меня к ним благодарность: одну вижу, а вспоминаю всех, коих знал, им - счёта нет!

Воротился Олёша, говоря:

- Отец Савёл, ты за меня поручись перед Шахом в шестьдесят рублей...

- Ладно.

- Завтра. А?

- Ладно...

- Видал? - торжествующим тоном спросил меня Олёша, кстати наступив мне на ногу.
- Шах - это, брат, такой человек: издаля взглянет на тебя - так и то рубаха твоя сама с плеч ползёт в руки ему. А придёт к нему отец Савёл, перед ним Шах собачкой вертится; на погорельцев сколько лесу дал...

Олёша шумел, возился и мешал старику отдыхать, Савелий, видимо, очень устал; он сидел над костром понуро, казался измятым, рука его взмахивала над костром, пола армяка напоминала сломанное крыло. Но Олёшу невозможно было укротить, он выпил стакана два водки и стал ещё более размашисто весел. Старик тоже выпил водки, закурил печёным яйцом с хлебом и вдруг негромко сказал:

- Ты иди домой, Олёша...

Большой, чёрный зверь встал, перекрестился, глядя в чёрное небо.

- Будь здоров, отец, спасибо! - сунул мне тяжёлую, жёсткую лапу и послушно полез в кусты, где спряталась тропа.

- Хороший мужик? - спросил я.

- Хороший, только следить за ним надо, - буен! Жёну так бил, что она и родить не могла, всё сбрасывала ребятёнок, а после - с ума сошла. Я ему говорю: "За что ты её бьёшь?" - "Не знаю, говорит, так себе, хочется да и всё..."

Замолчав, он опустил руку и, сидя неподвижно, долго смотрел в огонь костра, приподняв седые брови. Лицо его, освещённое огнём, казалось раскалённым докрасна и стало страшно; тёмные зрачки голых, разодранных глаз изменили свою форму - не то сузились, не то расширились, - белки стали больше, и как будто он вдруг ослеп.

Он двигал губами, - ошетились, шевелились редкие волосы усов, - словно он хотел сказать что-то, но - не мог.

А заговорил он всё-таки спокойно, только вдумчиво, как-то особенно:

- Это со многими мужиками бывает, дружба: вдруг хочется бабу избить, без всякой без вины её, да ещё - в какой час! Только вот целовал её, любовался красотой, и тут же, в минуту, приходит охота - бить! Да, да, дружба, это бывает... Я тебе скажу - я сам, смирный человек, нежный, уж как я женщин любить умел, до того, бывало, дойдёшь - так бы весь и влез в неё, в сердце ей, скрылся бы в нём, как в небесах голубь, - вот как хорошо бывало! И - тут её ударить, ущипнуть как-нибудь больнее хочется, и ведь щипал, да! Взвизгнет, спрашивает: что ты? А тебе и сказать нечего, - что тут скажешь?

Я изумлённо смотрел на него и тоже не знал, что сказать, о чём спросить, - поразило меня его странное признание. А он, помолчав, снова заговорил про Олёшу.

- После того, как жена обезумела, Олёша ещё хуже характером стал, находит на него буйная блажь, проклятым себя считает и всех бьёт. Намедни мужики привели его ко мне связанного, в кровь избили всего, опух весь, как хлеб коркой кровью запёкся. "Укроти, говорят, его, отец Савёл, а то убьём, житья нам нет от зверя!" Вот как, дружба! Дён пять я его выхаживал, - я ведь и лечить умею маленько... Да-а, дружба, не легко людям жить, - охо-хо! Не сладко, дружба ты моя милая, ясные глаза... Вот - утешаю я их, н-да!

Он усмехнулся жалостливо, и от этого его лицо стало ещё уродливее, страшнее.

- А которых - обманываю немножко, ведь живут и такие люди, которым нет уже

Отшельник. Максим Горький gorkiymaxim.ru
никакого утешения, кроме обмана... Есть, дружба, такие... Есть...

О многом хотелось спросить его, но он целый день не ел, усталость и выпитый стакан водки заметно действовали на него, он дремал, покачивался, и обнажённые глаза его всё чаще прикрывались красными рубцами век.

Всё-таки я спросил:

- Дедушка Савёл, а что, по-твоему, ад - есть?

Он поднял голову и строго, обиженно сказал:

- Ну, - как же это можно - ад? Ну, - где же это? Бог, а тут - ад? Разве можно? Это несоединимое, дружба, это - обман! Это всё вы, грамотные, для страха придумали, попы всё дурят. Человека не к чему пугать. Да никто и не боится ада-то этого...

- А - дьявол-то как же, он где живёт?

- Ну, ты этим не шути...

- Я не шучу.

- То-то.

Он взмахнул над костром полой армяка и тихонько сказал:

- Ты над ним не смейся. У всякого - своя ноша. Французик-то, может, правду сказал: и дьявол господу поклонится в свой час. Мне поп один о блудном сыне рассказывал из евангелия, - я это очень помню. По-моему, притча эта про дьявола и сказана. Про него, не иначе он самый и есть блудень сын.

Он покачнулся над костром.

- Лёг бы ты, уснул, - предложил я.

Старик согласился:

- Верно, пора...

Легко опрокинулся на бок, поджал ноги к животу, натянул армяк на голову и - замолк. Потрескивали и шипели ветки на углях костра, дым поднимался затейливыми струйками во тьму ночи.

Я смотрел на старика и думал:

"Это - святой человек, обладающий сокровищем безмерной любви к миру?"

Вспомнил хроменькую, пёстро одетую девушку с печальными глазами, и вся жизнь представилась мне в образе этой девушки: стоит она перед каким-то маленьким, уродливым богом, а он, умея только любить, всю чарующую силу любви своей влагает в одно слово утешения:

"Милая..."

1923 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!